

что это пинежское название аналогично мезенскому. Более того, Топономическая экспедиция Уральского университета зафиксировала факт употребления топонима *Чучепала* вместо *Чучепога* и что еще показательнее название пожни *Чучепальские Носки* (носок – ‘мысок’) рядом с деревней *Чучепога*, причем местные жители уверяют, что наименование этого луга дано по названию деревни *Чучепога*.

Конечно, можно допустить, что изначально существовали два параллельных названия, которые могли относиться к двум смежным объектам – саамское (*Чучепала*) и саамско-прибалтийско-финское (*Чучепога*), но затем стало функционировать только одно из них – *Чучепога*. Однако оба названия могли прилагаться и к одному объекту, а так как *Чучепога*, насколько удалось установить, в ранних документах не употреблялось, в этом случае можно думать не о параллельных наименованиях, а об эволюции одного имени, т.е. о преобразовании *Чучепала* в *Чучепога*. Это могло произойти позднее XVII в. в местной прибалтийско-финской (карельской) среде, поскольку компонент *-пала* был непонятен, а слово *чучь* ‘чудь’ было в ходу как у местного финского, так и русского населения. Употребление *-пога* в смысле ‘конец’ оправдано и географически (см. выше). Все это в какой-то мере указывает на довольно позднее обрусение местных карел (XVII–XVIII вв.?).

В заключение заметим, что в переписных книгах 1676–1682 гг. рядом с деревней *Чючюбала* упоминается деревня *Сетальская*²⁴. Это позволило, сопоставив мар. *чүчү* ‘дядя’ и фин. *setä* ‘дядя’, допустить, что приведенные смежные ойконимы объединяются метонимической связью и что в основе прибалтийско-финского по происхождению наименования *Сетальская* (< **Setälä* < *setä* + локативный суффикс *-lä*) лежит название «марийского» типа²⁵. Сравнительный анализ топонимов с основой *чуч-* показывает, что могут быть и другие решения.

О.А. Теуш

К этимологии рус. диал. *сузём*²⁶

Географический термин *сузём* (уменьш. *сузёмок*) в качестве обозначения леса или участка леса зафиксирован в большинстве регионов Европейского Севера России. В олонецких говорах (современная Карелия) это слово обозначает ‘глухой сплошной лес, где можно пройти пешком,

²⁴ См.: Переписные книги 1676–1682 гг. С. 50.

²⁵ См.: Матвеев А.К. Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // *Вопр. языкознания*. 1995. №2. С.38.

²⁶ Статья подготовлена при поддержке Минобразования России (грант PD02–3.17–5).

проехать верхом или с волочугой, но дорог в нем нет, только тропинки', 'поселки, отделенные от людных местностей большим лесом' [Куликовский, 115]. На Кольском полуострове *сузём(ок)* – 'обширная местность, поросшая густым лесом' [Меркурьев, 154]. В Новгородской области лексема *сузём* является редкой: отмечена только в Окуловском и Старорусском районах в значении 'непроходимый лес', дериватов не имеет [НОС 10, 180]. На территории Архангельской области термин *сузём(ок)* распространен повсеместно и имеет широкий семантический спектр: 'большой, густой, отдалённый от населённых мест лес', 'непроходимый лес', 'заболоченный участок леса'; 'труднопроходимое болотистое место, поросшее деревьями, кустарником', 'дальний покос в лесу'; в Вологодской области с той же семантикой слово отмечено в Вытегорском районе (крайний северо-запад) и в центральной и восточной частях региона (Бабуш, В-Важ, В-Уст, Гряз, К-Г, М-Реч, Ник, Нюкс, Сок, Сямж, Тарн, Тот) [КСГРС]. В говорах архангельско-вологодской территории зафиксировано множество словообразовательных производных: *сузёма, сузёмина, сузёмистое место, сузёмка, сузёмье, сузёмье* 'глухой дремучий лес, расположенный вдалеке от населенных пунктов', *сузёмина, сузёмистое место, сузёмье* 'заболоченный участок леса; низкое болотистое место, поросшее деревьями, кустарником', *сузёмье* 'труднопроходимое место в лесу, заросшее мелкими деревьями, захлащенное валежником', *сузёмник* 'вывороченный с корнем лес, бурелом', *сузёмный* 'хороший, строевой (о лесе)', 'непроходимый, заросший (о месте)', 'расположенный далеко в лесу', *сузёмок* 'дальняя дорога', *сузёмник* 'охотник', *сузёмка* 'охотничья сторожка, избушка в лесу' [КСГРС]. На территории Костромской области слово отмечено преимущественно в северной части, на границе с Вологодской областью (Кологр, Мантур, Пышуг, Сол, Чухл): *сузём(ок)* 'большой глухой лес', 'дальний глухой лес' [ЛК ТЭ]. Для описанных регионов словарные источники также дают следующие формулировки семантики слова: *сузём* 'густой непроходимый лес' (Влг: Ник, Устюж) [Опыт, 220], 'холмистая, кое-где прерываемая лесом тундристая, поросшая кустарником местность' (Арх: Мез) [Подвысоцкий, 167], *сузёмок* 'место, поросшее сплошным сосновым лесом, удаленное от жилья, где иногда заготавливают бревна и занимаются другими лесными работами' (Арх; Новг: Тихв; Олон) [Опыт, 220], *сузём, сузёмок* 'глухой, сплошной, отъемный лес, волок, дремучие леса, дальний, но въезжий для тех, которые зовут его *сузёмком*; дорог и езды в *суземок* нет, ходят пеши, верхами или на волочугах, на лесованье или для заготовки лесного товара' (Арх, Влг, Новг, Олон) [Даль 4, 357].

Из русского языка лексема *сузём* заимствована коми-зырянскими диалектами: л. *сузьом* 'тёмный, дремучий лес', нв. *сузем* 'даль' [ССКЗД, 349; КЭСК, 265]. Слово известно также в дочерних говорах Прикамья [Полякова, 155], Урала [СРГСУ 4, 74; СРГСУ-Д, 520] и Сибири [Даль 4, 357], куда было перенесено северноруссами [Полякова, 20; Аникин, 509].

Таким образом, слово *сузём* (и его дериваты) на территории Европейского Севера России имеет сплошной ареал: от западной части Карелии до восточных границ Архангельской и Вологодской областей и западной части республики Коми, от побережья Белого моря на севере до центральной части Костромской области на юге. Оторванными от этого большого ареала являются фиксации слова в Новгородской области, впрочем появление новых материалов (в частности, по диалектам Ленинградской области), возможно, заполнит выявленный разрыв. Центральное и, вероятно, примарное значение слова может быть сформулировано следующим образом: 'большой глухой, дремучий, труднопроходимый девственный лес, в котором нет жилья и дорог'. Приведенные выше формулировки либо варьируют это значение, выдвигая на первый план отдельные компоненты, либо очерчивают вторичную, производную семантику. Дефиниция В.И. Даля к лексеме *сузёмье* 'соседние земли, хотя и дальние, в пустых, незаселенных местах' [Даль 4, 357], вероятно, является результатом этимологического осмысления слова самим лексикографом, по крайней мере, приводимый здесь же контекст (*А сказывал [игумен], что де и у них в суземье, на Ижме, по Шалге, болота и лес, дич исстари*) не свидетельствует о возможности включения в значение семы *соседний*, согласующейся с наполнением русской приставки *су-*.

Этимология лексемы *сузём* была предложена Ю. Вихманом и поддержана Я. Калимой: слово считается заимствованным из прибалтийско-финских языков и сопоставляется с фин. *sysmä* 'лесная глушь; сплошной отдалённый лес' [Kalima, 221]. Эта версия цитируется в этимологических источниках [см. Фасмер 3, 797; Аникин, 509] и работах, в которых рассматривается севернорусская географическая терминология²⁷. В пользу предложенной этимологии несколько аргументов. Ареал слова типичен для прибалтийско-финских заимствований: он простира-

²⁷ См.: Гусева Л.Г. Географическая терминология Каргопольского края, обозначающая лес, и ее отражение в топонимике // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8–9. С. 131; Востриков О.В. Заимствованная географическая терминология в русских говорах по реке Унже и ее отражение в топонимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып. 13. С. 104; Он же. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. Вып. 2. С. 13; Субботина Л.А. Заимствования в географической терминологии Белозерья. Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984. С. 60 и др.

ется от границ современной Финляндии через территории, населенные вепсами и карелами, на восток. Семантика русского слова *сузём* в его основном значении тождественна финскому *sysmä*. Это тождество наиболее ярко выявляется при обращении к контекстам: *Сузём какой там, темное место, сильно сплошное, никак не пройти* (В-Т, Григорьевская), *Сплошной лес, сузём пошел* (Шенк, Деминская), *В сузём никто не ходит, лес не рубит; сплошной лес, дремучий* (Тарн, Макаровская), *Все сузём: и жилища нету, леса и леса, глухой лес* (Холм, Дорохово), *Лес и лес один сплошной был – вот и сузём* (Уст, Армино) [КСГРС].

Прибалтийско-финская этимология при всей ее убедительности с точки зрения семантики и лингвогеографии имеет вместе с тем несколько сложных моментов. Я. Калима отмечал то, что слово *sysmä* ‘лесная глушь; сплошной удаленный лес’ из всех прибалтийско-финских языков известно ему только в финском [Kalima, 221]. В современных доступных нам словарных источниках по прибалтийско-финским (в том числе, по финскому) языкам эту лексему или родственные ей нам обнаружить не удалось. Термин *sysmä* приводит в тематической классификации финской географической терминологии Е. Кивиниemi в группе слов, обозначающих ‘лес, лесок, перелесок’, отмечая, что лексема не входит в группы с другой географической семантикой²⁸. В списке терминов, частотных в топонимии Финляндии, слово *sysmä* не отмечено²⁹, однако в качестве имени собственного этот термин зафиксирован как название населенного пункта в южной части Финляндии³⁰. Эти данные позволяют предполагать что, слово *sysmä*, приведенное Я. Калимой для сопоставления с русским *сузём*, и в финском языке является редким, выходящим из употребления.

Строение лексемы *sysmä* указывает на ее исконный характер в финском языке, хотя в этимологических словарях [SKES, SSA] это слово не рассматривается. В составе лексемы могут быть выделены корень *суз-* и суффикс *-mä*. В финском языке суффикс *-mä* присоединяется к глагольным и именным основам при образовании имен³¹, является общеприбалтийско-финским аффиксом отглагольного словообразования, а в конечном итоге, уральским по происхождению³². Элемент *суз-* в *sysmä* может быть рассмотрен как связанный с корневыми морфемами финских лексем *sysiä* ‘толкать, пихать; пренебрегать (кем, чем), отвергать (кого,

²⁸ См.: Kiviniemi E. Perustietoa paikannimistä. Helsinki, 1990. S. 72.

²⁹ См.: Там же. S. 108–109.

³⁰ См.: Ainiola T. Muuttuva paikannimistö. Helsinki, 1997. S. 36.

³¹ См.: Грамматика финского языка: Фонетика и морфология / Ред. Серебренников Б.А., Керт Г.М. М.–Л., 1958. С. 251.

³² См.: Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975. С. 68.

что)’, *sysätä* ‘толкать, толкнуть’, диал. ‘тереть, натирать, перетирать’, *sysäys* ‘толчок, удар’, имеющих финно-угорские параллели [SSA 2, 232].

Семантику приведенных финских слов шире раскрывает родственное им *sysää* ‘колотить, бить, стучать (особенно пешней лед в проруби, палкой замерзшую землю)’, ‘колотить головней, поправлять, взбивать огонь, чистить печь от угля’, ‘толочь, толкать, пихать, продвигаться, проталкиваться, выдаваться, вдаваться’, ‘делать что-либо быстро, проворно (например, ходить на лыжах, косить, складывать траву в сенной сарай, пинать)’ [SKES, 1149]. Если суффикс *-mä* в *sysmä* использован для образования лексемы, называющей результат действия³³, то внутреннюю форму *sysmä* следует определить как <не-что сбитое, истолченное, спиханное, столкannое (вместе)> или <нечто оттолкнутое, отбитое, отпиханное (в сторону)>. В первом случае применительно к лесу можно говорить о семе плотности, густоты, во втором – о семе удаленности, нахождения в стороне.

Обе семы входят в значение как финского *sysmä*, так и русского *сузём*. Эта семантическая реконструкция подтверждается другими лексемами прибалтийско-финских языков, входящими в рассматриваемое гнездо: фин. *syys*: *yhteen syseen* ‘в кучу, в грудy; тут же, в один миг; непрерывно, сплошь’ [SSA 2, 232] (семантика скученности, плотности), карел. *šüitten* ‘до (чего), от (чего)’ [SKES, 1149] (семантика направления, близости/отдаленности). Типологически возможность образования названия отдаленного и/или труднопроходимого места (леса) от глаголов с семантикой ‘толкать, пихать, бить, колотить, толочь’ подтверждается данными русского языка: *зателёжа* ‘глухое, отдаленное место, захолустье’, ‘труднопроходимые заросли мелкого кустарника’ [КСГРС] связано с праслав. **terpi* ‘ударять, бить, колотить’; *затолок*, *затолочье* ‘отдаленное, глухое место, захолустье’ [СРНГ 11, 97] – *толочь*; *забёя*, *забёва* ‘глушь, труднопроходимый лес; глухое, отдаленное место’ [КСГРС] – *бить*³⁴.

Если предложенная нами этимология основы *суз-* в финском *sysmä* верна, то в основе русского слова могли быть другие незасвидетельствованные образования, подобные **sysimä* (ср. фин. *sysiä*), **sysämä* (ср. фин. *sysätä*), **sysymä* (ср. фин. *syys*). Если исходная форма типа *sysmä* подтверждается фиксацией в контекстах косвенных подежей от слова *сузём* с основой *сузьм-* (в *сузьме*, в *сузьму*), то возможное **sysymä* доказывается неоднократно засвидетельствованным вариантом *сузём* ‘глухой дремучий лес, расположенный вдали от населенных пунктов’

³³ В финском языке суффикс используется при образовании отлагольных существительных, называющих действие, результат и предмет действия, см.: Грамматика финского языка: Фонетика и морфология ... С. 251.

³⁴ Об образованиях подобного типа в русском языке см. статью Е.Л. Березович в настоящем сборнике.

(Арх: Холм; Влг: В-Важ, К-Г, Сямж) [КСГРС], а также *сузюмок* 'топкое болотистое место' (Костр: Чухл) [ЛК ТЭ].

Приведенные выше существующие и реконструированные финские формы, безусловно, не являются прямым источником заимствования. Я. Калима предполагает вепсское или карельское (ливвиковско-людиковское) происхождение русской лексики на основании соответствия фин. *s* ~ вепс., карел. ливв., люд. *z*. В таком случае в нашей реконструкции необходимо учесть карел. *süzie* 'толкать, пихать' (< фин. *sysiä*) [SKES, 1149]. Финаль на согласный (-м) в русском слове также подтверждает предположение о вепско-карельских истоках лексики, поскольку соответствием суффикса -*mä* в вепском, карельском (ливвиковско-людиковском) языках выступает -*m*, ср., например, фин. *uurama* 'ложбина, низина' ~ люд. *uurdam* 'топкая ложбина', вепс. *urdam* 'промоина' [ПФГЛ, 98].

В оформлении вокализма первого слога Я. Калима вслед за М. Фасмером видит народно-этимологическое воздействие со стороны русской приставки *су-* [Kalima, 222], с чем следует согласиться, при этом отметив, что исходная форма с начальным *сю-* хорошо засвидетельствована и остается достаточно частотной: *сюзём* 'лес, занимающий большое пространство' (Влг: Тот) [Опыт, 225], 'дальний дремучий лес' (Арх: Вель, Вин, В-Т, Пин, Плес, Шенк; Влг: Бабуш, К-Г, Сямж) [КСГРС], 'болотистое место, поросшее кустарником' (Киров: Кот) [ЛК ТЭ], *сюзёмок* 'дальний дремучий лес' (Арх: Он, Прим) [КСГРС].

Аттракция с исконнорусским *сузём* 'чернозем с небольшой примесью песка' (Олон) [Куликовский, 115], 'вид почвы' (Новг: Холмск, Тихв) [НОС 10, 180], 'плодородная почва, чернозем' (Влг: Выт, Гряз), 'торфяная почва' (Арх: В-Т) [КСГРС], которую предполагает Я. Калима [Kalima, 222], скорее всего, не является единственной причиной переформирования вокализма второго слога заимствования: здесь сказалось формальное воздействие многочисленных других образований на -зём в русском языке³⁵, а также морфологическая аналогия лексемам с беглым гласным, который оформляет различие именительного и косвенных падежей (ср., *назём* им. п. – *назьма* род. п. [Kalima, 221]) или колебание по роду (ср., *вайма* ж. р., *ваем* м.р. 'деревянное крепление (брус, клин, планка и т.п.)', 'выемка, паз, в которые вставляли деревянное крепление' [КСГРС]).

³⁵ См.: Субботина Л.А. Заимствования в географической терминологии Белозерья. С. 60.